

Эс

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Журнал и кино - 1992 - 13-20 апр. (№ 7) - с. 14

Три абсолюта Жана-Люка Годара

В прошлом номере «ЭС» эксклюзивному интервью с метром «Новой волны» предшествовало: «Москва ждет Годара...»

И она его дождалась. В воскресенье вечером. Столица рвалась в кинотеатр «Эспас-Мир» на пресс-конференцию с великим режиссером. Прорывались бесшумно, неистово, тесня милицейские кордоны. Места в холле занимались чуть ли не с дневных часов.

Пришел Жан-Люк Годар. Пришел куда тише, чем все остальные: наши коллеги и не коллеги. Начал отвечать на вопросы. Медленно, спокойно. Мне показалось, что грустно. И когда пришел черед, я задала ему свой вопрос: «Господин Годар, а чего вы боитесь больше всего?». Он ответил: «Семья. Вообще я стал боязливей в последнее время».

Потом состоялась премьера его последней картины «Германия — девять ноль». И разные люди со сцены кинозала говорили про Годара замечательные слова. Потом был банкет, на котором он — Годар, стоял скромно среди ликующих в его честь, куда более ликующих, чем он сам — грустный, одинокий, расстроенный.

Я подошла к нему, попросила разрешения позвонить в гостиницу. Разрешил. Интервью он никому не давал и мне тоже не дал. Мы просто поговорили по телефону без вопросов и ответов. Просто еще раз поговорили с Жаном-Люком Годаром.

А НА ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ГОДАР СКАЗАЛ:

«Я никогда не снял бы фильма на чужей-то родине. Я всегда ощущал на чужих

землях необычайный дискомфорт. Все мои замыслы, казалось, выстроенные, разрушались. Я снимаю только во Франции или в Швейцарии. Это мои земли.

Можно, впрочем, обрести новую родину. Фильм «Германия — девять ноль» я снимал за границей. (Это законно разрушает мое предыдущее суждение). Между тем, я с юности, вернее, с детства, изучал германскую литературу и живопись. Вот верный способ сделать родиной чужую страну: познать ее искусство. Оно адаптирует тебя. «Ассоциативная адаптация». Я так это называю. Искусство построено на ассоциациях. В них растворяешься.

Россия — не моя родина. И пока я не смог бы снять фильм о ней. Но есть потенциальные соотечествен-

НОВОСТИ В ЛИЦАХ

ники: Достоевский. Чехов. Солженицын. Они помогут сделаться «своим». Если бы я сделался их соотечественником, то смог бы вернуть им долг. За то, что они сделали для меня».

А ПОТОМ ОН СКАЗАЛ:

«Всегда нужно отдавать долги. Я привез с собой в Москву стереоаппаратуру для музея кино в Кинотеатре. Для Наума Клеймана. Замечательного человека Наума Клеймана. Этим я воздал музею кино должное. Ведь вырос я именно в музее... Ребенком-режиссером пришел я в кинозал музея кино. Оставил семью. И часами, днями, годами смотрел кино. Пока не обнаружил, что у меня сотни отцов. Эйзенштейн. Росселлини. А сколько матерей? Грета Гарбо, не мать ли она мне? Все вместе они воспитали меня и дали представление о реальном мире».

И ЕЩЕ ОН СКАЗАЛ:

«В моей жизни сейчас больше всего одиночества. Считается, что вся «Новая волна» была волной, «си-

стемой» одиночества. Но нас, основателей этой системы, тогда было много. Мы упивались одиночеством, подкрашивали его. Теперь я за него расплачиваюсь. Ибо оно наступило в реальной жизни. Я нынче очень одинок. И это не несчастье, не участь. Это род занятия. Поэтому я не люблю пресс-конференций. Во-первых, совершенно не понятно, почему вдруг столько людей? Мои фильмы малоизвестны, они не пользуются коммерческим успехом. Откуда вы все? Во-вторых, вот вы сейчас здесь со мной: задаете вопросы, шумите, показываете пальцами: «Годар!» А где вы будете через час, когда конференция окончится? Где вы будете, когда я вернусь в свой отель? Лягу в свою постель? Сяду в самолет и улечу отсюда за тысячи миль назад, домой. Где вы все будете? Вы оставите меня. Нет, нет, это не ваша вина. Это я — одиночка.

Когда мне как-то надое-ло снимать кино об этом,

я решил уйти в иные сферы: снять картину «Германия — девять ноль». А вышла картина об одиночестве страны. И так всегда. Эта роковая участь моего менталитета.

Меня часто упрекают последнее время в нелюдимости. Но с тем же успехом я могу упрекнуть в этом каждого из вас. Я чувствую: в моей душе свет, а каждый, кто передо мной — тень. Не осуждайте меня: каждый, кто стоит передо мной, должен чувствовать то же: в нем свет, во мне тень. Это закон одиночества».

Натэла МЕСХИ.